

Складьяревская Галина Николаевна

Доктор филологических наук, профессор,
главный научный сотрудник,
Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: gsklyarevskaya@mail.ru

Skliarevskaya Galina Nikolaevna

Doctor of Philology, Professor,
Chief Researcher,
The Herzen State Pedagogical
University of Russia
(St Petersburg, Russia)
E-mail: gsklyarevskaya@mail.ru

**ИННОВАЦИИ И СТАБИЛЬНОСТЬ
СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА
(ЛЕКСИКА)**

**INNOVATION AND STABILITY OF THE
MODERN RUSSIAN LANGUAGE
(VOCABULARY)**

Аннотация. Материал статьи, по мнению автора, дает основание считать, что широко известные современные языковые процессы, которые воспринимаются как пагубные и разрушительные (и уже на протяжении 30 лет характеризуются как *порча, разрушение, оскудение, деградация* и даже *гибель русского языка*), происходят на периферии лексической системы, не затрагивая ее ядра. Лексическое ядро, соответствующее в плане концептуализации мира центру языковой картины мира, остается по-прежнему устойчивым, стабильным и представляет собой языковой стандарт, основанный на языковых традициях и норме.

Ключевые слова: современный русский язык, языковая норма, языковые инновации, неустойчивость и стабильность лексической системы

Abstract. The material of the article, according to the author, gives reason to believe that the well-known modern linguistic processes, which are perceived as harmful and destructive (and have been characterized as *damage, destruction, impoverishment, degradation* and even *death of the Russian language* for 30 years), occur on the periphery lexical system without affecting its core. The lexical core, in terms of conceptualization of the world, corresponding to the center of the linguistic picture of the world, remains stable and comprises the linguistic standard that is based on linguistic traditions and norms.

Keywords: modern Russian language, linguistic norm, linguistic innovations, instability and stability of the lexical system

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-012-00122 «Язык и словарь: толковый словарь как объект и эмпирическая база лингвистических исследований (по материалам Словаря русского языка XXI века под ред. Г. Н.Складьяревской)»).

Введение

Чтобы начать разговор о современном русском языке, сравним два произвольно взятых современных контекста:

1. Она разместила десять или двенадцать длинных **постов** в своей **ленте**, написала хренову кучу **комментов**. А главное – **отфрендила** штук тридцать уродов, которым на все наплевать, которые бесятся с жиру и ненавидят Россию¹.

2. Как правило, мы приезжали к Вадимовым в вечернее время к скромно накрытому столу с красовавшейся на нем бутылкой водки. Именно в тот момент, когда мы входили в комнату и садились за стол, Наташа неизменно широким жестом открывала тяжелую портьеру на кольцах, распахивала окна в темноту ночи, и мы оказывались как на ладони видны из соседнего дома, откуда велось прямое наблюдение за квартирой Вадимова².

Совершенно очевидно, что оба контекста при всей их непохожести написаны на современном русском языке, хотя для восприятия первого, может быть, и потребуются обращение к словарям (**пост**³ Разг. Короткое сообщение или статья, публикуемые в блоге, социальной сети, на форуме и т. п.³; **комм'ент** Жарг. Комментарий (3 зн.)⁴. Глагол **отфрендить** отсутствует в современных толковых словарях, Викисловарь приводит следующее его толкование – ‘удалить из списка друзей (в социальной сети)’).

Данный контекст демонстрирует явления русского языка, которые с начала 90-х гг. прошлого века вызывают тревогу в обществе, хотя, справедливости ради, следует заметить, что даже в начале этих процессов, в самую непростую пору состояния русского языка, когда оно характеризовалось как «расшатывание норм», «упадок», «кризис», «разрушение», «распад», «оскудение», «деградация», «порча», «засорение», «языковая интервенция» и даже «гибель» и т. п., многие лингвисты отстаивали мнение, что русский язык не гибнет, а лишь переживает время, соответствующее состоянию общества, и не нуждается в насильственном «спасении». См., например: «Не считаю нынешнее состояние русского языка внушающим такую тревогу, как тревога за состояние нашего общества, а какое-либо “хирургическое вмешательство” по отношению к языку вообще невозможно, неэффективно, нецелесообразно, недопустимо»⁵. Такого мнения придерживались многие участники организованной Ю. Н. Карауловым «почтовой дискуссии» по вопросам состояния русского языка: Ю. Д. Апресян, В. Г. Гак, Е. А. Земская, Л. П. Крысин, О. Б. Сиротинина, Г. Н. Складневская, О. Н. Трубачев, М. И. Черемисина, Е. Н. Ширяев⁶.

Негативные оценки происходящих в языке изменений остроумно охарактеризовал В. Г. Костомаров: «В любом случае неприлично возмущаться: “Ах, язык портится (сам! мы, дескать, ни при чем), надо его спасать”, – даже с модным американским

¹ Кочергин И. Чужой доктор // Октябрь. – 2015. – № 5. – С. 162.

² Мессерер Б. Георгий Вадимов // Звезда. – 2016. – № 1. – С. 153.

³ Словарь русского языка XXI века / под редакцией Г. Н. Складневской (в работе).

⁴ Там же.

⁵ Кожина М. Н. (Материалы почтовой дискуссии) // Караулов Ю. Н. О состоянии русского языка современности. Доклад на конференции «Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики» и Материалы почтовой дискуссии. – Москва: ИРЯЗ, 1991. – С. 46–48.

⁶ Караулов Ю. Н. О состоянии русского языка современности. Доклад на конференции «Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики» и Материалы почтовой дискуссии. – Москва: ИРЯЗ, 1991. – 66 с.

междометием: “Вау, он американизируется!”»¹ Призывы остановить «порчу», повлиять на язык, насильственно исправить его, издать законы, запрещающие то или иное словоупотребление, применить методы принуждения и запретов пока не имели действия, и у этого есть своя причина: «в языке все происходит по свойственным ему (имманентно, вечно врожденным) внутренним законам, однако происходит через общающихся людей, которые служат движителем или тормозом развития»².

Основная часть

Языковые инновации 90-х гг., четверть века назад в высшей степени эмоционально обсуждавшиеся, с большим интересом и пристрастием были описаны в неограниченной лингвистической литературе, их удалось даже лексикографически «схватить» и зафиксировать в специальных словарях, посвященных проблемам лексикографической интерпретации динамических языковых процессов конца XX в.³ Эта лексика, которую можно назвать лингвоэкзотической, характеризовалась как новейшая, многие слова представлены в первой лексикографической фиксации: *аграрий* ‘член Аграрной партии России’, *адидасы*, *антиельцинский*, *антирыночник*, *афганцы*, *беспредел*, *бизнесменка*, *биотуалет*, *богатенький* *Бурадино*, *бодипирсинг*, *глобализация*, *глобализм*, *глобалист*, *гуманитарные товары*, *десоветизация*, *качок*, *видеодиск*, *ваучерный*, *демократура*, *дерьмократ*, *джакузи*, *дoryночный*, *дэсовцы*, *емеля* ‘e-mail’, *я тебе звякну* ‘позвоню по телефону’, *имидж*, *капри*, *качать права*, *киллер*, *лэп-топ*, *межрегионалы*, *мент*, *ментура*, *однопартиец*, *онлайн*, *папарации*, *парка*, *пиар*, *поп-корн*, *постсоветский*, *пресс-релиз*, *промоутер*, *свингер*, *секьюрити*, *сиквел*, *сингл*, *слоган*, *совковый*, *сотовый*, *стольник*, *стреч*, *топлесс*, *трени*, *тусовка*, *тусоваться*, *челнок*, *челночить* и др.

Однако, как показывает дальнейший путь языкового развития, на протяжении последующих лет ничего катастрофического для русского языка не произошло, и динамика языковых изменений, какой бы разрушительной она ни казалась, отразила обычные языковые процессы: адаптацию неологизмов, архаизацию и новый виток неологизации. Действительно, за прошедшие 30 лет (ничтожный в рамках истории языка срок, но значимый для его носителей) одни неологизмы 90-х гг. прочно вошли в язык, освоились в лексической системе, обросли семантическими и словообразовательными дериватами (*валютный*, *глобализм*, *Интернет*, *киллер*, *пиар*, *поп-корн*, *тусовка*, *экссклюзивный*), другие успели устареть, ушли в пассивный запас с утратой денотата и за ненадобностью (*аграрий*, *антиельцинский*, *антирыночник*, *десоветизация*, *межрегионалы*, *мент*, *ментура*, *челнок*, *челночить*). На смену им пришли (точнее сказать, хлынули или ворвались) более актуальные новейшие единицы (как обычно бывает в таких случаях, их массив в значительной мере состоит из терминов

¹ Костомаров В. Г. Язык текущего момента: понятие правильности. – Санкт-Петербург: Златоуст, 2014. – С. 78.

² Костомаров В. Г. Язык текущего момента: понятие правильности. – Санкт-Петербург: Златоуст, 2014. – С. 78.

³ Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под редакцией Г. Н. Складневской. – Санкт-Петербург: Фолио-Пресс, 1998. – 700 с.; Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / под редакцией Г. Н. Складневской. – Москва: Астрель: АСТ, 2001. – 944 с.

и жаргона): *аккаунт, багоюзер, вау, вписка, гаджет, жесть* (междометие и оценочный предикатив), *квест, кэшбэк, лайк, лайкнуть, мем, мерчендайзер, я тебе (тебя) наберу* ‘позвоню по мобильному телефону’, *нанотехнологии* (с обширным словообразовательным гнездом¹), *няшный, огонь* (междометие и оценочный предикатив), *пост, постить, продвинутый, прокачать, прокачка, репост, репостить, смартфон, троллинг, трикстер, фейк, френдить, хайп*.

Категорическое противостояние норма / ошибка сейчас не работает, в частности, вследствие того, что за счет ускорения языкового развития ячейки лексической системы заполняются стихийно, как если бы не было никаких узуальных ограничений. В результате возникает языковая избыточность, которая проявляется, к примеру, в наличии вариантов, когда одному означаемому соответствует несколько означающих. При этом вариативность реализуется не только на уровнях лексики и словообразования (самых подвижных, подверженных любым изменениям и стремящихся к любым обновлениям), но и на наиболее консервативном уровне фонетики. Поддерживаемая на протяжении многих десятилетий безальтернативность письменной нормы на сегодняшний день безоговорочно нарушена, и вариативность в этой сфере превосходит все ожидаемые возможности, что, заметим, создает серьезные трудности в лексикографической работе. Наиболее частотные из них связаны с двойными согласными и дефисным / слитным написанием. Ср. варианты в «Словаре XXI века»: *блоггер и блогер, блоггинг и блогинг, блок-хаус и блокхаус, блэкаут и блекаут, блютуз и блютус, боди-арт и бодиарт, бойфренд и бой-френд, оффлайн и офлайн, оффшор и офшор, римейк и ремейк, фейсконтроль и фейс-контроль, флеш-моббер и флешмоббер, шопинг и шоппинг* и т. п. Обилие вариантов в словаре свидетельствует о его ориентации на альтернативную норму, подтвержденную и обоснованную узусом, в то время как, например, академический орфографический словарь диктует жесткую кодифицированную норму в соответствии с принципом «норма едина и противостоит ошибке». Что касается узуса, то узуальная вариативность еще шире. Так, И. В. Нечаева приводит пример восьми вариантов написания одного заимствованного слова: *флеш-мобер, флэш-мобер, флеш-моббер, флэш-моббер, флешмобер, флэшмобер, флешмоббер, флэшмоббер*².

Вполне понятно, что словарь, описывающий традиционный для лексикографии статичный объект и не ставящий своей специальной задачей демонстрацию языковой динамики, не может давать в зоне вокабулы перечень вариантов. Это трудная задача современной русской лексикографии. Решение, которое кажется очевидным, – ориентация на авторитет академического орфографического словаря – не всегда убедительно, поскольку выбор в пользу одного из вариантов часто вступает в противоречие со статистическими показателями разных лексических фондов, т. е.,

¹ «Словарь русского языка XXI века» описывает 42 деривата. См. также: Ваулина Е. Ю., Вербицкая О. Н. Новейшая физическая терминология: нанотехнологии: краткий словарь. – Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2014. – 352 с.

² Нечаева И. В. Орфографические противоречия в области заимствований в период активных языковых изменений // *Język rosyjski XXI wieku – źródła i perspektywy* (Русский язык XXI столетия – истоки и перспективы) / redakcja naukowa G. Mańkowska, M. Kuratczyk, D. Muszyńska-Wolny, J. Wasiłuk. – Warszawa: Instytut Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego, 2017. – S. 85–91.

по существу, с состоянием узуса. В любом случае выбор единственного варианта написания заимствованного слова (*боди-арт*, *бойфренд*, *офлайн*, *ремейк*, *риелтор* и т. п.)¹ в толковом словаре, описывающем реальное языковое употребление, должно стать, как нам представляется, ориентиром, но не жестким правилом.

Об активности каждого новейшего слова и его праве на жизнь в языке свидетельствует в первую очередь словообразовательная деривация – только так новая единица может продемонстрировать свое право закрепиться в языке. Ср.: *багоюз*, *багоюзер*, *багоюзерский*, *багоюзерство*, *багоюзить* / *багоюзать*; *пост*, *автопостинг*, *постинг*, *постить*, *репост*, *репостить*, *репостинг*; *френд*, *френдить*, *зафрендить*, *отфрендить*; *хайп*, *хайпануть*, *хайпер*, *хайповый*, *хайповать* и т. п.

Итак, мы видим, что проблемы «порчи языка», так активно обсуждавшиеся четверть века назад, в наши дни не только не утратили своей актуальности, но и сохранили основные позиции: по-прежнему вызывают тревогу или негодование неконтролируемый поток заимствований, стихийное («лавинообразное») словообразование, немислимая вариативность на всех языковых уровнях и, как следствие этого, – отсутствие единой нормы, которая могла бы контролировать и сдерживать узус и служить надежным указателем на пути к «правильности» в аспекте культуры речи.

Создается впечатление, что все эти процессы, продолжая оставаться крайне неприятным объектом лингвистических исследований, сформировали некую новую область русистики – русский язык в его новом обличье, неузнаваемый и непринимаемый.

Однако если мы переключим свое внимание на обычный, привычный, освоенный с детства родной русский язык, то обнаружим, что он остался нетронутым никакими языковыми бурями и катаклизмами.

Обратившись ко второму контексту (см. Введение), мы увидим, что здесь каждое слово употреблено в своем исторически сложившемся устойчивом значении и сочетается с другими словами по установленным, единым для всего общества законам и нормам, и в общем контекст представляет собой безупречный русский стандарт и демонстрирует стабильность.

Понимание стабильности лексической системы было обосновано Н. Ю. Шведовой: «Мы убеждаемся в том, что внутренняя организация класса в целом устойчиво сохраняется на протяжении длительного времени и не меняется ни под влиянием процессов формального либо семантического словообразования, ни под влиянием внутригрупповых перемещений, ни под напором посторонних вхождений. Все такие процессы не разрушают лексической системы: они происходят внутри нее»². К этому следует добавить, что данные процессы происходят на периферии лексической системы и не затрагивают ее ядра, в концептуальном плане соответствующего центру языковой картины мира. Эта лексика, описанная в специальном фундаментальном словаре³, свидетельствует о том, что центр языковой картины мира заполняют

¹ Лопатин В. В., Иванова О. Е., Сафонова Ю. А. Учебный орфографический словарь русского языка. – Москва: ЭКСМО, 2006. – 1184 с.

² Шведова Н. Ю. Предисловие к двадцать первому изданию // Ожегов С. И. Словарь русского языка. – Москва: Русский язык, 1991. – С. 9.

³ Толковый словарь ключевых слов русского языка / под редакцией Г. Н. Складневской. – Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2014. – 672 с.

слова исконно русские, в подавляющем своем большинстве многозначные, обычно формирующие обширные словообразовательные гнезда и тематически соответствующие основополагающим понятиям концептуализации действительности, среди которых прежде всего выделяются следующие¹:

- первичные элементы природных явлений и процессов: *болезнь, вода, время, женщина, жизнь, земля, идти, мужчина, небо, огонь, свет, смерть, человек...*
- элементы пространства: *север, юг, запад, восток; верх / низ, вертикальный / горизонтальный, внутренний / внешний, далекий / близкий, короткий / длинный, правый / левый, широкий / узкий...*
- элементы календаря, хронологического членения и членения человеческой жизни: *год; весна, зима, лето, осень; названия месяцев; вечер, день, месяц, минута, неделя, ночь, утро, час; возраст, дети, молодой / старый, новорожденный, совершеннолетие, старик... детство, отрочество, юность, молодость, зрелость, старость...*
- элементы ландшафта; погода: *берег, гора, поле, река; береза, дерево, дуб, куст, буря, ветер, воздух, воздушный, волна, град, дождь, снег, туман...*
- основные части и органы тела: *брови, волосы, глаз, губы, голова, кишки, кожа, лицо, лоб, мозг, нога, палец, печень, плечо, ребро, рот, рука, сердце, ухо, шея...*
- названия домашних и диких животных, занимающих определенную зону в русской языковой картине мира (формирующих метафорические переносы, являющихся персонажами фольклора и т. п.): *баран, волк, воробей, ворона, корова, курица, кошка, лиса, лошадь, медведь, овца, свинья, собака, соловей, утка, ястреб...*
- базовые для человека действия и состояния: *бить, брать, бросить, верить, видеть, говорить, гореть, давать, делать, держать, дышать, знать, играть, идти, мерзнуть, начать, нести, писать, поднять, работать, резать, решить, руководить, спасти, спать, спорить, спросить, убить, учить...*
- свойства, воспринимаемые органами чувств (обычно представлены в противопоставлениях): *горький, кислый, пресный, сладкий, соленый; большой / маленький, быстрый / медленный, горячий / холодный / теплый, громкий / тихий, легкий / тяжелый, чистый / грязный, высокий / низкий, глубокий / мелкий, густой / жидкий, светлый / темный, сырой / сухой, твердый / мягкий, толстый / тонкий, частый / редкий, широкий / узкий...*
- аксиологически важные свойства: *добрый, красивый, печальный, правильный, унылый; жадный / щедрый, сильный / слабый, умный / глупый, хороший / плохой...* и т. д.

Стабильность лексического ядра, разумеется, не означает его неподвижности, неподверженности языковым изменениям. В процессе языковой эволюции постепенно (и поэтому нетравматично для языкового сознания современников) неизбежно архаизируются одни единицы, появляются другие, осваиваются новые словообразовательные модели, происходят семантические сдвиги в семантике слов, в структуру словарной статьи встраиваются новые лексико-семантические варианты. Учитывая

¹ Подробнее см.: Толковый словарь ключевых слов русского языка / под редакцией Г. Н. Складневской. – Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2014. – С. 4 (Обоснование словника).

ограниченный объем настоящей статьи, приведем только один пример таких семантических трансформаций из «Словаря русского языка XXI века»:

Пр'авильный <...> 6. Разг. Хороший, подходящий. *Правильные фильмы для детей. Правильное место для пикника. Купить п. кусок мяса для жаркого. Требования, которым должен соответствовать п. монитор. Твой новый друг – парень п.*

Анализируя новую, выходящую за пределы традиционной сочетаемость этого слова: *правильная жратва в правильном месте, правильная одежда, правильный ресторан, магазин «Правильная обувь», купи правильный дом, правильная продукция, правильная девушка, правильный режиссер* – М. А. Кронгауз приходит к выводу, что «такое употребление слова *правильный* близко по значению французскому выражению *comme il faut*, заимствованному в русский язык как *комильфо*. С помощью слова *правильный* глянцевого журналы пытаются сформировать новый стиль поведения, следовать которому должен любой “продвинутый” (еще одно модное слово) человек»¹. Однако этим не исчерпывается обновление и трансформация семантики и прагматики прилагательного *правильный*. Примеры Е. В. Мариновой *правильный эгоизм, правильный снобизм, правильная агрессия, правильное высокомерие, правильное властолюбие*² демонстрируют парадоксальный характер сочетания данного прилагательного с существительными негативной семантики. Диффузность семантики подобных словосочетаний не дает возможности четко сформулировать дефиницию прилагательного, можно лишь выявить некоторые дифференциальные признаки: ‘вызванный необходимостью’, ‘обусловленный внешними причинами’, ‘целесообразный в определенных обстоятельствах’ и т. п.

Выводы

Материал статьи дает основание считать, что языковые процессы, воспринимаемые как вредоносные и разрушительные, происходят на периферии лексической системы, не затрагивая ее ядра; оно остается по-прежнему устойчивым, стабильным и являет собой тот языковой стандарт, основу которого составляют языковая традиция и норма.

В заключение сошлемся на полностью разделяемое нами мнение М. А. Кронгауза: «Я писал эту книжку не потому, что русский язык находится на грани нервного срыва. Переживаем и нервничаем мы сами, и, наверное, это правильно. Только не надо переходить ту самую грань. Слухи о скорой смерти русского языка сильно преувеличены»³.

¹ Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. – Москва: Знак; Языки славянских культур, 2007. – С. 29.

² Маринова Е. В. Ценностные эпитеты в системе этических представлений современных пользователей Интернета // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. – 2017. – Вып. 13. – С. 284.

³ Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. – Москва: Знак; Языки славянских культур, 2007. – С. 145.

Литература

- Ваулина Е. Ю., Вербицкая О. Н. Новейшая физическая терминология: нанотехнологии: краткий словарь. – Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2014. – 352 с.
- Кожина М. Н. (Материалы почтовой дискуссии) // Караулов Ю. Н. О состоянии русского языка современности. Доклад на конференции «Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики» и Материалы почтовой дискуссии. – Москва: ИРЯЗ, 1991. – С. 46–48.
- Костомаров В. Г. Язык текущего момента: понятие правильности. – Санкт-Петербург: Златоуст, 2014. – 220 с.
- Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. – Москва: Знак; Языки славянских культур, 2007. – 229 с.
- Лопатин В. В., Иванова О. Е., Сафонова Ю. А. Учебный орфографический словарь русского языка. – Москва: ЭКСМО, 2006. – 1184 с.
- Нечаева И. В. Орфографические противоречия в области заимствований в период активных языковых изменений // *Język rosyjski XXI wieku – źródła i perspektywy* (Русский язык XXI столетия – истоки и перспективы) / redakcja naukowa G. Mańkowska, M. Kuratczyk, D. Muszyńska-Wolny, J. Wasiluk. – Warszawa: Instytut Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego, 2017. – S. 85–91.
- Толковый словарь ключевых слов русского языка / под редакцией Г. Н. Складневской. – Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2014. – 672 с.
- Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под редакцией Г. Н. Складневской. – Санкт-Петербург: Фолио-Пресс, 1998. – 700 с.
- Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / под редакцией Г. Н. Складневской. – Москва: Астрель: АСТ, 2001. – 944 с.
- Шведова Н. Ю. Предисловие к двадцать первому изданию // Ожегов С. И. Словарь русского языка. – Москва: Русский язык, 1991. – С. 6–11.

References

- Vaulina E. Yu., Verbitskaia O. N. *Noveishaia fizicheskaia terminologiiia: nanotekhnologii: kratkii slovar'* [The newest physical terminology: nanotechnologies: concise dictionary]. St Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2014. 352 p.
- Kozhina M. N. (Materialy pochtovoi diskussii) [Materials of the postal discussion] *Karau-lov Yu. N. O sostoianii russkogo iazyka sovremennosti. Doklad na konferentsii "Russkii iazyk i sovremennost'. Problemy i perspektivy razvitiia rusistiki" i Materialy pochtovoi diskussii* [Karaulov Yu. N. Status of the modern Russian language. Conference paper "The Russian language and modern times. Problems and prospects of the Russian studies development" and Materials of the postal discussion]. Moscow: IRIaZ, 1991, pp. 46–48.
- Kostomarov V. G. *Iazyk tekushchego momenta: poniatie pravil'nosti* [Language of the current moment: the concept of accuracy]. St Petersburg: Zlatoust, 2014. 220 p.
- Krongauz M. A. *Russkii iazyk na grani nervnogo sryva* [The Russian language on the verge of a nervous breakdown]. Moscow: Znak; Iazyki slavianskikh kul'tur, 2007. 229 p.
- Lopatin V. V., Ivanova O. E., Safonova Yu. A. *Uchebnyi orfograficheskii slovar' russkogo iazyka* [Learner's spelling dictionary of the Russian language]. Moscow: EKSMO, 2006. 1184 p.
- Nechaeva I. V. Orfograficheskie protivorechiia v oblasti zaимstvovaniia v period aktivnykh iazykovykh izmenenii [Spelling contradictions in the field of borrowings in the period of dynamic linguistic changes]. *Język rosyjski XXI wieku – źródła i perspektywy* (Russkii iazyk XXI stoletii – Istoki

i perspektyvy [The Russian language of the 21st century – origins and prospects; ed. by G. Mańkowska, M. Kuratczyk, D. Muszyńska-Wolny, J. Wasiluk]. Warszawa: Instytut Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego, 2017, pp. 85–91.

Tolkovyj slovar' kliuchevykh slov russkogo iazyka [Explanatory dictionary of the key Russian words; ed. by G. N. Sklyarevskaya]. St Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2014. 672 p.

Tolkovyj slovar' russkogo iazyka kontsa XX veka. Iazykovye izmeneniia [Explanatory dictionary of the Russian language in the late 20th century. Language changes; ed. by G. N. Sklyarevskaya]. St Petersburg: Folio-Press, 1998. 700 p.

Tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo iazyka. Iazykovye izmeneniia kontsa XX stoletii [Explanatory dictionary of the Russian language. Language changes in the late 20th century; ed. by G. N. Sklyarevskaya]. Moscow: Astrel': AST, 2001. 944 p.

Shvedova N. Iu. Predislovie k dvadtsat' pervomu izdaniiu [Foreword to the twenty first issue]. *Ozhegov S. I. Slovar' russkogo iazyka* [Ozhegov S. I. Dictionary of the Russian language]. Moscow: Russkii iazyk, 1991, pp. 6–11.

Для цитирования: *Скляревская Г. Н.* Инновации и стабильность современного русского языка (лексика) // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2020. – № 6 (99). – С. 144–152. DOI: 10.23859/1994-0637-2020-6-99-12

For citation: Skliarevskaya G. N. Innovation and stability of the modern Russian language (vocabulary). *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2020, no. 6 (99), pp. 144–152. DOI: 10.23859/1994-0637-2020-6-99-12